

Помощник Чжан ушёл. Пань Иньчуань ещё долго неподвижно сидел в спальне, где очнулся, пока часы не пробили семь.

Вернулся господин Хуай.

Дверь отворилась, и на пороге возникла его высокая, статная фигура. Он всё так же опирался на трость. От одного его вида веяло тяжёлым давящим авторитетом, однако накатившая волна удушья почти мгновенно спала.

Так действовал феромонный буфер.

— Почему ты здесь? — спросил господин Хуай.

Пань Иньчуань тут же вскочил:

— Я... мне не следовало оставаться, да? Тогда я уйду.

— ... Пусть будет здесь, — отозвался тот.

Пань Иньчуань застыл истуканом, не зная, то ли сесть обратно, то ли продолжать стоять.

Между тем господин Хуай уже подошёл к нему вплотную и произнёс:

— Неплохо.

Словно похвалил. Пань Иньчуань даже не понял, что именно в нём «неплохо».

А в следующее мгновение мужчина опрокинул его на кровать, сбив с ног.

Пань Иньчуань опомниться не успел, как его с головой накрыло густое, властное благоухание сильного Альфы. Теперь оно не удушало, но подсекало колени, лишая последней силы оттолкнуть его.

— Только из душа? — тихо спросил господин Хуай у самого его уха.

Пань Иньчуаню показалось, что в этом вопросе кроется какой-то нехороший подтекст.

Мужчина неторопливо согнул пальцы и слегка сжал его мочку. Весь его облик дышал холодной властью, но прикосновения отзывались нежностью и смутным, двусмысленным намёком.

Шершавые подушечки пальцев, покрытые мозолями от оружия, скользнули по коже, и Пань Иньчуань против воли мелко задрожал.

Господину Хуаю, похоже, пришлась по душе такая реакция, и он принялся не спеша расстёгивать пуговицы на его рубашке. Человек его положения, занимаясь подобным, выглядел так, словно снизошёл до невероятной милости.

Но Пань Иньчуаню было не до трепета перед чужим величием.

Рубашку сорвали, прохладный воздух коснулся обнажённой кожи, и дрожь пробрала его до костей.

В голове словно проехался тяжёлый каток, с оглушительным гулом стирая в пыль все смутные догадки и руша привычную картину мира, которую он выстраивал с самого детства.

Он... он...

Поразмыслить над этим ему не дали.

Пань Иньчуань наконец осознал, о чём предупреждал помощник Чжан, говоря: «Без этого устройства ты умрёшь».

Агрессивные феромоны Альфы вторглись в его тело, и эта сокрушительная волна перевернула всё нутро.

Их близость — бурная, доходящая до откровенной жестокости — затянулась почти до самого рассвета.

Пань Иньчуань полностью лишился сил и лишь судорожно сжимал край одеяла, словно только это удерживало его от падения в бездонную пучину.

Что происходило дальше, он уже не помнил.

Он просто потерял сознание.

Отключился от невыносимой перегрузки.

Раздался тихий звякающий звук — фарфор ударился о фарфор. Пань Иньчуань мгновенно очнулся, рывком сел на кровати и столкнулся взглядом с перепуганным слугой.

— Простите, простите пожалуйста! Я вас разбудил... — Слуга испуганно прижал руки к груди.

На столике перед ним стоял чайник, а рядом аккуратными тарелочками выстроились изысканные сладости.

Он запинаясь добавил:

— Я подумал, вы, должно быть, проголодались, вот и...

Пань Иньчуань обладал мягким характером и по привычке отозвался:

— Ничего страшного.

Но, лишь вымолвив это, понял, насколько его голос звучит хрипло и надломленно.

Пань Иньчуань сам содрогнулся от собственного голоса, однако слуга не выразил ни малейшего удивления и лишь тихо спросил:

— Набрать вам ванну?

В голове ещё царил сумбур. Пань Иньчуань рассеянно кивнул и, опершись о край матраса, попытался встать.

Но ноги подкосились, и он едва не рухнул на пол.

Застыв на мгновение, он мысленно отметил, что господин Хуай оказался чересчур свиреп.

— Господин, вам помочь? — снова поинтересовался слуга, но так и не сдвинулся с места.

Пань Иньчуань поднял на него взгляд и уловил в выражении его глаз немой подтекст: тот, похоже, уже считал его «собственностью» господина Хуая и потому не смел дотрагиваться.

«Что за дичь!»

Пань Иньчуань качнул головой и выдавил:

— Не нужно.

Из последних сил сохраняя остатки достоинства, он сам прошёл в ванную и привычным движением повернул кран душевой лейки.

Затем последовала вода, тёплая ванна, умывание, одежда... И вот он уже сидит за невысоким столиком, отправляя в рот нежные, тающие во рту пирожные.

Лишь покончив со всем этим, Пань Иньчуань почувствовал, что снова похож на живого человека.

— А где господин Хуай? — спросил он.

— Уехал, — коротко отрезал слуга, явно не намереваясь делиться подробностями.

В душе Пань Иньчуаня кипела смесь обиды, стыда и ярости, но какой смысл вымещать её на слуге? Пришлось загнать всю горечь глубоко внутрь.

За всю свою жизнь он не то что не встречался ни с кем — даже за руку никого не держал.

И подумать не мог, что его первый опыт окажется настолько диким и... практически насильственным.

Этап ухаживаний и романтики просто выкинули за ненадобностью.

К тому же брать снизу пришлось именно ему!

Пань Иньчуань с детства числился Бетой, да и после вторичной дифференциации остался Бетой. В этом мире со строгой иерархией Альф, Бет и Омег он прекрасно понимал: Омега в жёны ему не светит, а уж Альфа на него и подавно не взглянет.

Поэтому в его наивных юношеских мечтах о любви избранница всегда представлялась девушкой-Бетой...

И вот теперь все эти иллюзии разлетелись вдребезги.

В мельчайшую пыль.

Но почему именно он?

А, точно, помощник Чжан ведь говорил. По той простой причине, что у него крепкое здоровье... И только лишь поэтому?!

Или, точнее говоря, с чего вдруг выбор пал на Бету? Для человека уровня господина Хуая прижать к подушке Омегу — раз плюнуть, да что там Омегу, он мог бы заставить любого Альфу подчиниться! Агрессивные феромоны прочих Альф перед мощью господина Хуая — ничто.

Это совершенно не укладывалось в голове!

Пань Иньчуань стиснул зубы от досады.

Но тут же вспомнил, как прошлым вечером, не в силах терпеть происходящее, точно так же сжимал челюсти... Его смерила дрожь, и он мгновенно расцепил зубы.

— Пришёл помощник Чжан, — раздался за дверью голос слуги.

Пань Иньчуань на эмоциях порывался встать, но ноющая поясница, ватные ноги и тупая боль ниже спины сразу дали о себе знать. Ожесточившись, он плюхнулся обратно на диван.

Вошедший помощник Чжан застал его сидящим с прямым как жердь позвоночником и крайне мрачным лицом.

— Тебе что, не принесли мазь? — первым делом с удивлением спросил Чжан.

— Мазь? — Пань Иньчуань от неожиданности даже забыл заготовленные гневные тирады.

— Ну да, — помощник Чжан опустил взгляд, весьма двусмысленно пройдясь по его нижней половине тела. — Без лекарства тебе будет сокрушительно больно.

Пань Иньчуань был человеком стыдливым, поэтому поспешно опустил голову, не желая выдавать смущения. Лишь пальцы сжались в кулаки с такой силой, что побелели костяшки.

— Вы... вы занимаетесь откровенным похищением...

«Честных граждан», — хотел добавить он, но поперхнулся и не решился выговорить эти слова.

Помощник Чжан, не ожидавший подобного упрёка, лишь развёл руками:

— Вот как? А разве это не спасение? Я-то думал, сев к нам в машину, ты прекрасно обо всём догадался. К тому же тебя забрали прямо от Сю Лина.

— И что с того, что от Сю Лина? — ледяным тоном бросил Пань Иньчуань.

Чжан почесал нос:

— Тайны семьи Сю — не то, о чём мне стоит распространяться. — Он опустился в кресло напротив. — Вскоре после того, как мы тебя увезли, ту усадьбу сровняли с землёй

артобстрелом. Тебе следует радоваться, что ты приглянулся господину.

Ком подступил к горлу Пань Иньчуаня. На мгновение он вспомнил того юного Омегу и спросил:

— Что сейчас в городе Южной Башни?

Чжан снова удивлённо поднял бровь:

— Не думал, что тебя это заботит... Что ж, в городе Южной Башни всё паршиво. Город на грани падения.

— И... никто не пришёл на помощь?

— В Центральном городе слишком тесно переплелись интересы разных кланов. Споры о том, кому отправлять войска на подавление мятежа, идут уже третьи сутки... Впрочем, не забивай себе голову. Тебе достаточно знать одно: не поедь ты с нами, тебя бы уже давно размазало по стенам той усадьбы. Причём весьма мучительным образом. — Чжан протянул ему папку с документами. — Лучше подумай о собственном будущем.

— Что это? — Пань Иньчуань не спешил брать бумагу.

— Договор. И исключительно в твою пользу, — пожал плечами Чжан. — Взгляни, условия более чем щедрые. Серьёзно, редчайшая удача.

С каменным лицом Пань Иньчуань раскрыл папку.

Он ожидал увидеть нечто вроде соглашения о содержании любовника, но на первой же странице крупными буквами было выведено: «Договор о любви».

... От наименования даже веяло какой-то нелепой романтикой.

Какая глупость!

Пань Иньчуань с хлопком захлопнул папку.

— Не хочешь изучить подробнее?

— Нет. Я хочу уйти. Если представится случай, я обязательно отплачу господину Хуаю за спасение моей жизни.

Чжан тихо усмехнулся:

— Отплатишь? Чем? Скажу прямо, парень: ты можешь встать и выйти за эти двери. Вот только локти кусать потом будет поздно. Война гремит не только в городе Южной Башни.

— Что?.. — Пань Иньчуань переменился в лице.

Его слишком долго держали под замком в городе Южной Башни, и он понятия не имел, что происходит в стране.

А его родители?.. Что с ними?

— Хочешь узнать, как дела в городе Девяти Рек? — сходу просчитал его мысли помощник Чжан. — Что ж, там сейчас вооружённые группировки пытаются захватить власть.

Лицо Пань Иньчуаня мгновенно стало мертвенно-бледным.

— Посмотришь ещё раз? — с лёгким вызовом спросил Чжан.

Неслушающимися пальцами Пань Иньчуань снова раскрыл документ.

Заголовок звучал невинно, но содержание оказалось далёким от чистоты.

Срок соглашения — один год. Сторона А обязуется ежемесячно выплачивать Стороне Б шестьсот тысяч юаней в качестве «жалованья». Все расходы на проживание, одежду и повседневные нужды Сторона А берёт на себя. В период «романтических отношений» сумма выплат может быть увеличена, а полученные подарки возврату не подлежат.

По истечении года, в случае отказа от продления, Стороне Б гарантируется квартира в Центральном городе и автомобиль в качестве «расстановочного» подарка.

У Пань Иньчуаня перехватило дыхание, словно в горле застрял ком ваты.

Будь это трудовой договор с коммерческой фирмой, о лучшем предложении не пришлось бы и мечтать. Ни один выпускник вуза не мог рассчитывать на подобные астрономические суммы, да и выходное пособие прописано с максимальной щедростью.

Вот только это не трудовой договор.

Пань Иньчуань вьедался взглядом в слово «любовный», и оно казалось ему всё более диким и режущим глаз.

— Что, условия не устраивают? — подал голос Чжан.

У помощника Чжана был намётанный глаз: он мгновенно распознал в Пань Иньчуане парня из простейшей семьи с абсолютно чистой биографией.

По его мнению, для такого простака эти условия — неслыханная щедрость. Никто не тратит подобные суммы даже на содержание постоянных любовников.

Пань Иньчуань отложил папку и поднял глаза:

— Мои родители... в городе Девяти Рек.

Помощник Чжан моментально уловил подтекст и со сдержанной улыбкой пояснил:

— Вообще-то, поставив подпись, ты получишь полное и абсолютно законное право выразить господину Хуаю свои опасения и попросить о помощи.

Тяжесть, давившая на грудь Пань Иньчуаня, вмиг рассеялась.

«Разве... так можно?»

Чжан откинулся на спинку кресла. В его манерах проглядывал не столько расторопный служащий, сколько холёный отпрыск богатого семейства с его небрежной вальяжностью.

— Главное — не переступай черту и исполняй свои обязанности. В остальном — проси о чём угодно.

Тут же возникал закономерный вопрос:

— А что значит «не переступать черту»?

— Не лезь в дела господина, поддерживай гигиену и... а, да, не вздумай капризничать и кокетничать.

«Не кокетничать?!»

Неужели этот пункт нужно выносить отдельной строкой?

Пань Иньчуань за всю жизнь ни разу не усомнился в своей ориентации. Он был упрямым гетеросексуалом.

Он-то грешным делом думал, что ради спасения родителей сжавши зубы перешагнёт через отвращение, научится заискивать и изображать из себя покорного любовника... А помощник Чжан безбожно перекрыл ему этот путь.

И как теперь обращаться к господину Хуаю?

Это находилось за гранью его понимания.

— Господин Хуай... какой у него характер? — превозмогая стыд, спросил Пань Иньчуань.

— Похвально. Ты быстро соображаешь и уже проявляешь заботу о работодателе, — Чжан ненадолго задумался. — Господин Хуай... строг, чётко разделяет личное и деловое. Если принимает решение, меняет его крайне редко. И не терпит, когда при нём несут чушь или болтают лишнее.

Пань Иньчуань лишился дара речи.

И как в таком случае просить о помощи?

Прошлой ночью господин Хуай действительно не проявлял ни малейшей тяги к разговорам: сразу перешёл к делу, грубо и решительно.

Пань Иньчуань лишился всех пуговиц на рубашке, пока сам господин Хуай оставался безупречно одетым, лишь расстёгнув ширинку...

Помощник Чжан будто прочёл его мысли и добавил:

— Неужели и этому тебя учить? Хочешь выдвинуть просьбу — просто выбери правильный момент.

«Правильный момент?»

Пань Иньчуань застыл в полном недоумении.

Чжан вздохнул про себя, но тут же подумал: а ведь, возможно, именно такой простак и нужен господину.

Он пододвинул контракт ближе:

— Если вопросов нет, ставь подпись. И смотри не ошибись в номере банковской карты.

Взяв ручку, Пань Иньчуань хотел было черкнуть фальшивку, но вовремя сообразил, что имя должно совпадать с банковскими реквизитами. В сомнениях он едва не переломил стержень пополам, но в конце концов вывел свою подпись.

— Что ж... Маленький господин Пань, — Чжан подхватил подписанный документ. — Позвольте раскланяться.

После его ухода слуга принёс мазь. Пань Иньчуань, сгорая от неловкости, обработал ссадины сам. Неизвестно, сколько стоило это средство, но облегчение наступило почти мгновенно.

Откинувшись на спинку дивана, покрытый испариной, он почувствовал, как боль утихает.

Взглянув на часы, с удивлением понял, что дело близится к ужину.

«Интересно, до скольких продолжалась та оргия, раз я проспал почти весь день?» — мрачно подумал он.

В семь вечера, поужинав и приняв душ, Пань Иньчуань ждал господина Хуая. Тот вернулся точно по часам.

На этот раз слуга проводил его в другую спальню.

Комната оказалась значительно просторнее предыдущей. Интерьер, выдержанный в строгих чёрно-белых тонах, выглядел сдержанно, но каждая деталь буквально дышала роскошью.

— Это покои господина. Ждите здесь, — произнёс слуга и прикрыл за собой дверь.

В половину восьмого вошёл господин Хуай.

Сегодня на нём был строгий парадный костюм, дополненный перстнем «Нефритовая кость» и белыми шелковыми перчатками. Наряд казался чересчур пышным, однако мощная аура владельца сглаживала этот эффект: никакого пафоса, лишь безупречная элегантность и давящее величие.

Господин Хуай подошёл вплотную, накрыв его своей высокой тенью.

Оказаться под пристальным прицелом такого Альфы должно быть невыносимо.

Однако Пань Иньчуань не почувствовал удушья. Напротив, за безукоризненно отглаженным мундиром ему показалось нечто иное — тонкий, едва уловимый шлейф вожделения.

«Он... пил?»

И тут Пань Иньчуаня точно озарило. Он наконец осознал недосказанные слова помощника Чжана.

«Выбери правильный момент».

Когда мужчины становятся сговорчивее всего?

Да прямо сейчас!

Пань Иньчуань приоткрыл рот. Хотя потерпевшей стороной вчера был он сам, сейчас приходилось изображать покорность:

— Господин Хуай, мои родители находятся в Цзюхэ. Я невероятно тревожусь за них. Я знаю, насколько огромно ваше влияние, и хотел бы просить вас...

Договорить ему не дали.

Рука господина Хуая, тянувшаяся к его шее, замерла в воздухе.

Мужчина стремительно отдернул её, поправил белоснежную перчатку и холодным тоном отрезал:

— Жди.

Развернувшись, он вышел прочь.

Пань Иньчуань остался сидеть в одиночестве. Опустив ладонь на лицо, он почувствовал, как к горлу подступает горькая отчаянная тоска.

«И это всё? Неужели я только что всё испортил?»

<http://bllate.org/book/19584/1934055>